

Высший мир бессмертных отправил так много практикующих, как они могли не заметить ничего подозрительного? Не говоря уже о марионетках, даже змеиный демон целого города —

За исключением Цзи Цаншэна, который был знаком с лидером змеиных демонов Бай Иси благодаря Чэ, любой другой практикующий, вероятно, никогда не видел подобного зрелища.

Все жители города были змеиными демонами возрастом более ста лет!

— Не шумите, это дело требует обсуждения, — сказал Юй Худе.

— Да... — кивнул Юй Худе.

— Ладно, я тоже немного устал, идите и отдохните.

Несколько старших учеников обменялись взглядами и поспешили удалиться. Чжэуа зажег благовония для успокоения, взглянул на Хуа Буюй, который всё ещё стоял в углу, и, уходя, так и не произнёс ни слова.

Зал снова погрузился в тишину.

Чертог Аньлин располагался на невысокой горе, и, кроме главного зала, на горе было лишь несколько гостевых комнат. Уже глубокая ночь, и вся гора осталась в распоряжении только этих двух — учителя и ученика.

Ночь была пугающе тихой, лунный свет освещал защитные руны в лесу, словно рассыпанные по земле звёзды.

Состояние Цзи Цаншэна ещё не стабилизировалось. От подножия до вершины горы Аньлин, и даже в воздухе, было установлено сотни защитных заклинаний, а за горой охраняли два пика, делая это место самым безопасным во Вратах Тяньюань.

В обычные дни, когда здесь проводились собрания и принимали гостей, это не ощущалось, но сейчас, в тишине, место наполнилось холодом, будто здесь давно не было людей.

— Почему ты ещё не ушёл?

— Я хочу остаться на ночь... — Хуа Буюй опустил ресницы. Его голос, казалось, был сдавлен долгим молчанием, звучал хрипло. — Прости.

К сожалению, он не поднял головы, иначе увидел бы глаза Цзи Цаншэна, полные улыбки, совсем не похожие на глаза тяжелораненого человека, скорее, выглядевшего вполне довольным.

Шэнь Ши не имел опыта прошлой жизни, поэтому не знал, что этот яд заставляет терять уровень культивации, и не проверил это. Хотя Цзи Цаншэн не мог использовать ци, он знал, что его уровень культивации упал как минимум на половину большого этапа.

На самом деле, вскоре после того, как он потерял сознание от яда, Сань Наньнань появилась в его снах, и он удержал малышку, намеренно позволив себе потерять столько уровней. Если бы он не услышал, как Хуа Буюй получил выговор, возможно, ещё немного притворился бы мёртвым.

Но почему?

Взгляд Цзи Цаншэна стал холодным.

Он унаследовал уровень культивации Закона Тяньюань и больше не мог практиковать. За эти восемь лет он нашёл то, что хотел, но вынужден был отложить.

В этой жизни...

Он взглянул на малыша в углу. Ведь это его собственное дитя, которое он вырастил, и, вероятно, больше не будет создавать проблем.

— Подойди, — Цзи Цаншэн спокойно отдал приказ.

Хуа Буюй поднял голову и увидел, как Цзи Цаншэн ослабил ворот одежды, обнажив острые ключицы под воротником.

Дыхание снова стало затруднённым, и в горле запершило.

Он опустил глаза, подошёл к ложу и покорно ответил.

Цзи Цаншэн протянул чашку воды. Каждая рука на белом фарфоре была украшена едва заметными голубыми венами, изящными и нежными.

Хуа Буюй поспешил взять воду, и, когда поднял глаза, Цзи Цаншэн уже лежал спиной к нему.

Вода в кувшине, которую Чжэуа поддерживал тёплой, слегка остыла, но ещё не стала холодной. На вкус она была сладковатой, с приятным послевкусием, скользя вниз по горлу и полностью гася внутренний жар.

Он смотрел на спину Цзи Цаншэна. Тонкая одежда лежала на его костлявом теле, будто на только что распустившемся, но уже увядающем цветке.

Лето наступило поздно, и воздух был влажным, пахло приближающимся дождём. Здесь, у подножия горы, было довольно жарко. Хуа Буюй, видя, что Цзи Цаншэн не спит, достал веер и начал мягко обмахивать его.

Веер, который он достал из мешка для хранения, был пропитан сладковатым ароматом зимней сливы, казалось, он уже устарел на несколько версий.

Медленно обмахивая, он создавал лишь звук ветра.

— ... — Цзи Цаншэн, казалось, долго сдерживал дыхание, наконец выдохнул и сел, похлопав по ложу. — Поднимайся.

Это было всего лишь длинное ложе для приёма гостей, квадратный стол сдвинули в сторону, и места хватало для отдыха, но если бы здесь спали двое, это было бы уже тесновато.

— Ученик... посидит в медитации, — Хуа Буюй отвел взгляд в сторону.

Цзи Цаншэн поднял веки и посмотрел на него:

— Слова учителя уже не слушаешь?

— Нет... — Юноша сразу же почувствовал себя неловко, сам не понимая, почему он так волнуется, но это помогло развеять странную тяжесть в груди.

Цзи Цаншэн, видя, что его не уговорить, начал вставать с кровати, что испугало Хуа Буюй, и он поспешил подойти, немного успокаивая:

— Я поднимусь...

Он говорил неуверенно, чувствуя странность, но не находя причины.

Хуа Буюй осторожно поднялся на ложе. Узкое деревянное ложе сразу стало тесным, отступив на дюйм назад, он оказался на краю. Мягкая подушка создавала ощущение, что он вот-вот соскользнёт вниз.

— Спи, — Цзи Цаншэн, казалось, ничего не замечал, просто лежал на боку, опираясь на резную спинку.

Глядя на того, кто закрыл глаза и отдыхал, Хуа Буюй впервые почувствовал огромное давление. Почему он лежит напротив Цзи Цаншэна?!

Хуа Буюй, стиснув зубы, лёг. Половина плеча оказалась за пределами ложа. Он думал, что просто продержится всю ночь или скатится вниз — он уже взрослый и не ушибётся, как вдруг костистая рука потянулась к нему.

Хуа Буюй: ...

Этот человек даже во сне не может быть спокойным!

Хуа Буюй перевернулся на бок, и привычный аромат гвоздики стал насыщеннее, окутывая его самого.

Лето наступило поздно, и цветы ещё не распустились, поэтому Хуа Буюй ещё не получил свежий аромат. Но запах гвоздики был намного мягче, чем недавний жасмин, и это немного смягчило летнюю жару.

— Искусство чистого сердца, — Цзи Цаншэн всё ещё не открывал глаз, лишь произнёс несколько слов.

Хуа Буюй почувствовал, как сердце упало, словно какой-то секрет был раскрыт, и невольно напрягся.

Неужели Цзи Цаншэн что-то заметил?

Действительно, когда он увидел учителя, его эмоции были слишком явными. Но он стоял в углу — как Цзи Цаншэн мог это заметить?

Хуа Буюй весь напрягся. Если что-то заметят...

— Не вини себя, — Цзи Цаншэн всё ещё не открывал глаз. — Ошибка не в тебе.

Ощущение, будто дыхание перехватило, снова нахлынуло.

Рука, лежащая на боку, дрогнула. Тонкий шёлковый плед опустился на поясницу Хуа Буюй:

— Твой учитель был слишком строг. Это не должно стать твоим грузом. Если память подводит, сначала выучи третью главу шестнадцатого раздела Закона.

Хуа Буюй почувствовал, что воздуха не хватает. Он медленно глубоко вдохнул и ответил:

— Да.

Третья глава шестнадцатого раздела Закона Тяньюань.

Говорила лишь об одном.

Отпусти.

Если человек слишком заикливается на том, что уже произошло, даже если не остановится на месте, на его пути обязательно возникнет преграда.

Мало-помалу груз превращается в демона сердца, легко сбиться с пути и ограничить уровень культивации.

Хуа Буюй сжал пальцы, медленно начал повторять завет предков, а затем в уме повторял Искусство чистого сердца, отсекая три тысячи нитей беспокойства.

Раз уж пришёл, значит, судьба. Если не отпустить прошлое, как можно практиковать и превзойти себя из прошлой жизни, и как остановить Цзи Цаншэна.

Хуа Буюй когда-то думал, что Шэнь Ши был убит Цзи Цаншэном, но сейчас он в этом сомневался. Потому что до самого конца он не нашёл Шэнь Ши в массиве из мертвецов, и Шэнь Ши действительно исчез без следа после того, как отправился к Цзи Цаншэну.

Что же произошло в прошлой жизни?

Юноша открыл глаза, глядя на человека с юным и невинным лицом. За восемь лет общения, как бы хорошо он ни скрывал, природа человека всё равно проявляется в мелочах. Но Хуа Буюй никак не мог представить, что Цзи Цаншэн, возродившийся, способен на такое.

Он никогда не сомневался так сильно, даже начал сомневаться, было ли прошлое реальностью или просто сном.

Казалось, почувствовав тревогу перед собой, Цзи Цаншэн протянул руку и мягко, медленно похлопал по спине Хуа Буюй, словно успокаивая капризного ребёнка. На его лице была усталость, очевидно, он хотел спать, даже не открывая глаз, но всё же утешал...

Хуа Буюй закрыл глаза, не желая больше думать. Вместе с грузом он отпустил и ненависть.

Если что-то неизбежно.

Он подумал:

Даже если связать Цзи Цаншэна и запереть, он не позволит ему пойти по этому пути.

Неоконченное ожидает продолжения.

Сны странные и причудливые, пробуждение словно возвращение из другого мира.